

дерзал говорить! Прочтите подробные отчеты о том, как крестьяне вернули пленного короля Людовика XVI из Варенна в Париж, и скажите, подобное увлечение общественными делами, подобная независимость суждений и действий среди крестьян были ли возможны раньше 1789 г.? Новая нация уже народилась за эти годы.

Только благодаря этому возрождению Франция могла вынести войны республики и наполеоновской империи и разнести принципы Великой революции по всей Европе: в Швейцарию, в Италию, в Испанию, в Бельгию, Голландию, Германию - вплоть до границ России. И когда, пережив мысленно все эти войны и проследив за французскими армиями вплоть до Египта и Москвы, мы думаем найти в 1815 г. вполне обедневшую, разоренную Францию, мы находим вместо того ее деревни, даже в восточных ее частях и в Юре, гораздо более возделанными и зажиточными, чем были даже берега Марны, когда Петион, указывая на них Людовику XVI на обратном пути из Варенна, спрашивал его, есть ли на свете другое такое государство, от которого правитель сам захотел бы отказаться.

За эти годы, прожитые среди бурь революции, внутренняя сила деревень стала такова, что в несколько лет Франция сделалась страной зажиточных крестьян; и ее соседи вскоре узнали, к великому своему изумлению, что, несмотря на все свои потери, Франция является страной, самой богатой по *своей производительности*. Такой она осталась еще теперь. И свои богатства она получает не из далекой Индии и Египта, не от мировой торговли, а из своей земли, из любви к родной земле, из умения с ней обращаться, из своего трудолюбия. Причем Франция является также страной самой богатой по распределению своих богатств между наибольшим числом жителей и самой богатой по возможностям, представляемым ею в ближайшем будущем.

Вот каков был результат революции. И если поверхностный взгляд видит в наполеоновской Франции одну только любовь к военной славе, к войне, то историк открывает, что самые войны, которые вела Франция, она вела их, *чтобы обеспечить себе плоды революции*: чтобы удержать земли, отнятые у дворян, у церкви, у богачей; чтобы удержать свободы, отвоеванные у деспотизма. Если Франция готова была истекать кровью, лишь бы немцы, англичане и русские не посадили ей на престол Людовика XVIII, она делала это потому, что не хотела, чтобы возвращение роялистской эмиграции повлекло за собой отнятие у крестьян земель, уже полных их потом, и потерю свобод, добытых кровью патриотов.

В результате, когда после 23-летней борьбы у Франции, побежденной Европой, не было другого выхода, как принять Бурбонов на престол, *Франция лее ставила Бурбонам условия*. Они будут царствовать; но *земли останутся за теми, кто отнял их у феодальных владельцев*. Даже белый террор Бурбонов не смог этого разрушить. Старый порядок не был восстановлен.

Еще одно замечание.

В истории всякого народа неизбежно наступает когда-нибудь такое время, что глубокое, существенное изменение во всем строе его жизни становится неизбежным. Так было во Франции в 1789 г.: королевский деспотизм и феодализм доживали свой век. Долее удержать их было невозможно: надо было от них отказаться.

Но тогда представлялось два возможных выхода: реформа или революция.

Всегда в таких случаях бывает минута, когда реформа еще возможна. Но если этой минутой не воспользовались, если правители страны, вместо того чтобы пойти навстречу новым требованиям, упорно сопротивляются проявлениям новой, возникающей жизни и вследствие этого кровь начнет литься на улицах, как это случилось 14 июля 1789 г., - тогда начинается революция. И раз началась *революция*, т. е. не простой политический переворот, а нечто более глубокое, революция неизбежно разовьется до своих крайних последствий, т. е. до той точки, до которой она может достигнуть хотя бы на короткое время при данном состоянии умов в данный исторический момент. Так и было во Франции.

Если мы изобразим медленный прогресс, совершающийся в стране во время периода эволюции, т. е. мирного развития, линией, проведенной на бумаге, то эта линия будет медленно, постепенно подниматься. Но вот начинается революция - линия делает резкий скачок вверх. Она быстро поднимается в Англии, например, до Кромвелевской республики, во Франции - до республики 1793 г. Но на этой высоте, в эту историческую минуту прогресс не может удержаться: враждебные ему силы еще слишком сильны. Они соединяются между собой против намеченного прогресса и низводят жизнь с этой высоты. Республика побеждена злыми силами старого порядка. Наступает реакция, и наша линия быстро падает. В политике, по крайней мере, линия может упасть очень глубоко. Но мало-помалу она опять поднимается, и когда снова наступают мирные времена, во Франции - в 1815, в Англии - в